

Юз-Оба — некрополь боспорской знати. Культура и хронология*

Резюме. Курганы некрополя Юз-Оба («Сто Холмов» на татарском языке) расположены к югу от города Керчь. Практически все эти курганы были раскопаны в 60-х гг. XIX в. Исследователи XX в. атрибутировали Юз-Обу в пределах последних десятилетий IV в. до н. э. (Ростовцев 1913), второй половины этого столетия (Марти 1926) или 360–330 гг. до н. э. (Гриневич 1952), и эти даты близки к реальности. Изучение всех архивных материалов о раскопках Юз-Обы показывает, что некрополь сформировался приблизительно за 75 лет, и он почти не выходит за пределы IV в. до н. э. Во время раскопок здесь были открыты гробницы различных типов. Склепы с уступчатым или полуцилиндрическим перекрытием имеют фракийское происхождение. Огромная катакомба Острога кургана связывает этот памятник со скифским миром. Самые поздние курганы некрополя позволяют судить об усилении культурных импульсов, пришедших на Боспор в последнем десятилетии IV в. до н. э. из Прикубанья, т. е. из меото-сарматского мира. Погребение, открытое на мысе Ак-Бурун (1875 г.), является одним из самых важных комплексов для понимания периода крушения Великой Скифии и начала сарматских вторжений в степи Северного Причерноморья. Материалы этого погребения демонстрируют также определенное македонское влияние на культуру боспорской аристократии.

Ключевые слова: античная культура, Боспор Киммерийский, некрополь Юз-Оба, курганы, монументальные склепы, греко-варварские взаимодействия.

Vinogradov Yu. A. Yuz-Oba — a necropolis of the Bosphorus aristocracy. Culture and chronology. Tumuli of the necropolis of Yuz-Oba («Hundred Hills» in Tartar language) are situated to the south of the modern city of Kerch. Nearly all these barrows were excavated in the 1860s. In the last century the necropolis was dated to the last decades of the IV c. BC (Ростовцев 1913), or the second half of the same century (Марти 1926), or the 360s-330s BC (Гриневич 1952). All these dates have proved to be close to reality. The study of all the available archive materials about the excavations of Yuz-Oba shows that the necropolis had been forming during ca. 75 years, mainly within the limits of the IV c. BC. The tombs of different types were discovered during the excavations. Those with the stepped or semi-cylindrical vaults are of the Thracian origin. The huge catacomb of the Ostry barrow links the site with the Scythian world. The latest tumuli of the necropolis are indicative of the strengthening of cultural impulses that came to the Bosphorus in the last decade of the IV c. BC from the Kuban area, *i. e.* from the Meotic — Sarmatian world. The burial discovered on the cape of Ak-Burun (1875) is of crucial importance for our understanding of the period of the collapse of Great Scythia and the beginning of the Sarmatian invasion in the steppes of the North Black Sea region. The materials of this burial demonstrate also a certain Macedonian influence on the culture of the Bosphorus aristocracy.

Keywords: classical culture, Cimmerian Bosphorus, necropolis of Yuz-Oba, tumuli, monumental crypts, Greek-Barbarian interactions.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-10162.

Курганный некрополь Юз-Оба под Керчью хорошо известен среди специалистов по классической археологии Северного Причерноморья. Эти курганы в основном были раскопаны во второй половине XIX в. директором Керченского музея древностей А. Е. Люценко (см. Виноградов и др. 2012). Несмотря на известность памятника, его изучение представляет немалые сложности по нескольким причинам: большинство курганов было разграблено, документация о раскопках неограбленных гробниц не отличается подробностью, а коллекции находок из этих курганов, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа, опубликованы лишь частично¹. В общем, нам не известно ни точное число исследованных курганов (вероятно, их было около 40), ни узкая датировка каждого из них. Создание детальной хронологической схемы всех обнаруженных во время раскопок комплексов — дело будущего, в настоящее время в этом направлении сделаны лишь первые, весьма скромные шаги (Виноградов 2013а; 2013б; 2014а). Несмотря на это, все специалисты уже давно согласны в том, что Юз-Оба является некрополем боспорской знати, относящимся к времени процветания государства в IV в. до н. э. Исследователи XX в. атрибутировали Юз-Обу в пределах последних десятилетий IV в. до н. э. (Ростовцев 1913–1914: 108), второй половины этого столетия (Марти 1926: 24) или 360–330 гг. до н. э. (Гриневиц 1952: 148). Обозначенные расхождения еще раз демонстрируют необходимость продолжения работы в области выяснения хронологии этого некрополя.

В пространственной организации некрополя можно выделить три части: курганы хребта Юз-Оба, Павловского и Ак-Бурунского мысов. Нет сомнения, что в курганах всех трех частей нашли упокоение представители высшего слоя боспорской аристократии и, прежде всего, члены правящего рода Спартокидов, что само по себе представляет очень большой научный интерес. Любопытно при этом, что в некрополе открыты различные типы погребальных сооружений (Виноградов и др. 2012: 132; ср. Цветаева 1957: 233): 1) крупные ямы, стенки которых обычно обложены камнями, а перекрытие состоит из горизонтально уложенных каменных плит или деревянных плах, 2) монументальные склепы с уступчатым перекрытием, 3) склепы с ложным «полуциркульным» сводом, 4) склеп с арочным перекрытием, 5) огромная катакомба и, наконец, 6) кремации различных типов. Разработка хронологии юз-обинских комплексов, несомненно, поможет прояснить вопрос о времени появления и существования на Боспоре каждого из обозначенных типов гробниц и, разумеется, о проникновении сюда культурных импульсов, исходивших из различных частей греческого и варварского миров.

Сразу следует обратить внимание, что в Юз-Обе отсутствует один тип монументальных склепов, ставший на Боспоре популярным, вероятно, с начала III в. до н. э. Это так называемые склепы македонского типа, характерной особенностью которых, помимо арочного перекрытия, является разделение погребальной камеры на две части (Виноградов 2014б). Этот факт, вероятно, позволяет считать, что курганы Юз-Обы были насыпаны раньше того момента, когда на боспорскую погребальную архитектуру оказала влияние новая традиция, пришедшая из Македонии, вероятно, через Фракию.

Если обратиться к выделенным выше частям некрополя, то надо признать, что показательная гробница первого из обозначенных типов была открыта

¹ В настоящее время из всех курганов Юз-Обы полностью опубликованы лишь курганы, находившиеся на мысе Ак-Бурун (Бутягин, Виноградов 2014).

на Павловском мысу — это хрестоматийно известный склеп Второго Павловского кургана (рис. 1). Обнаруженная здесь гробница, как представляется, принадлежала знатной женщине-жрице (Гайдукевич 1949: 255; Шауб 2007: 342–343; Виноградов и др. 2012: 31; Gajdukevič 1971: 275). По всей видимости, этот погребальный комплекс можно датировать рубежом третьей и последней четвертей IV в. до н. э. (см. Уильямс, Огден 1995: 166–167; Виноградов и др. 2012: 31). Вообще же гробницы подобного рода появились на Боспоре гораздо раньше, во всяком случае, они существовали в V в. до н. э. (Ростовцев 1925: 186; Силантьева 1959: 51 сл.; Гайдукевич 1981: 51–52) и продолжали возводиться позднее. К сожалению, о других курганах Павловского мыса мы почти ничего не знаем (Виноградов и др. 2010: 19, 32–35).

В отношении длинной цепочки курганов, идущих с востока на запад по хребту Юз-Оба и теряющихся в степи за Феодосийским шоссе, необходимо признать, что самыми показательными здесь являются каменные склепы с перекрытиями различных типов. Конечно, в первую очередь на себя обращают внимание гробницы с уступчатым сводом (рис. 2; 3). Вероятнее всего, они распространились на Боспоре приблизительно с рубежа V–IV вв. до н. э. в результате усиления фракийских влияний, связанных с фракийским происхождением Спартокидов (Кауфман 1947; Гайдукевич 1949: 265–266; Gajdukevič 1971: 271, 282–283; Tsenskhladze 1998: 55; см. также Савостина 1986). Следует отметить, что монументальные гробницы Фракии выделяются не только многочисленностью, но и разнообразием типов (см. Bazaytova 2005; Базайтова 2006), почти все они при этом представлены на Боспоре.

Склепы с ложным «полуциркульным» или «полуцилиндрическим» сводом являются вариантом типа, описанного выше. Их различие заключается в том, что выступы каменной кладки, составляющей свод, в них гладко стесаны, образуя подобие арки. Среди памятников такого рода можно выделить склеп кургана на землях Мирзы Кекуватского (рис. 4), который сейчас датируют приблизительно серединой IV в. до н. э. (см. Уильямс, Огден 1995: 164–165; Виноградов 2012; Виноградов и др. 2012: 97–104).

На хребте Юз-Оба имеется один в высшей степени любопытный склеп, имеющий арочное перекрытие, — это гробница 47 Шестого кургана (рис. 5; Ростовцев 1913–1914: 103; Гайдукевич 1949: 259–260; Виноградов и др. 2012: 62–66; Gajdukevič 1971: 279). Сейчас она датируется в пределах второй половины IV в. до н. э. (Ростовцев 1913–1914: 103; Гриневич 1952: 143; Сокольский 1969: 41; Виноградов и др. 2012: 66). Этот памятник представляет интерес во многих отношениях, но, прежде всего, тем, что он самым непосредственным образом связан со сложнейшей проблемой появления арочных перекрытий в Древней Греции. Дело в том, что в античном мире в настоящее время нет примеров таких конструкций, которые можно было бы уверенно датировать ранее конца IV в. до н. э. (Boyd 1978: 83). Принято считать, что арки, существовавшие на Ближнем Востоке с IV тыс. до н. э., появились в Греции лишь после походов Александра Македонского (Kurtz, Boardman 1971: 276; Boyd 1978: 89). М. Андроникос, правда, полагал, что древние греки знали об арке еще до походов Александра (Andronicos 1987: 5), но это утверждение вызывает немалые сомнения (Boyd 1978; Vorza, Palagia 2007). Нетрудно понять поэтому, что гробница 47 является одним из самых ранних примеров использования арки во всей античной архитектуре, и при рассмотрении этой проблемы ей следовало бы уделить большее внимание.

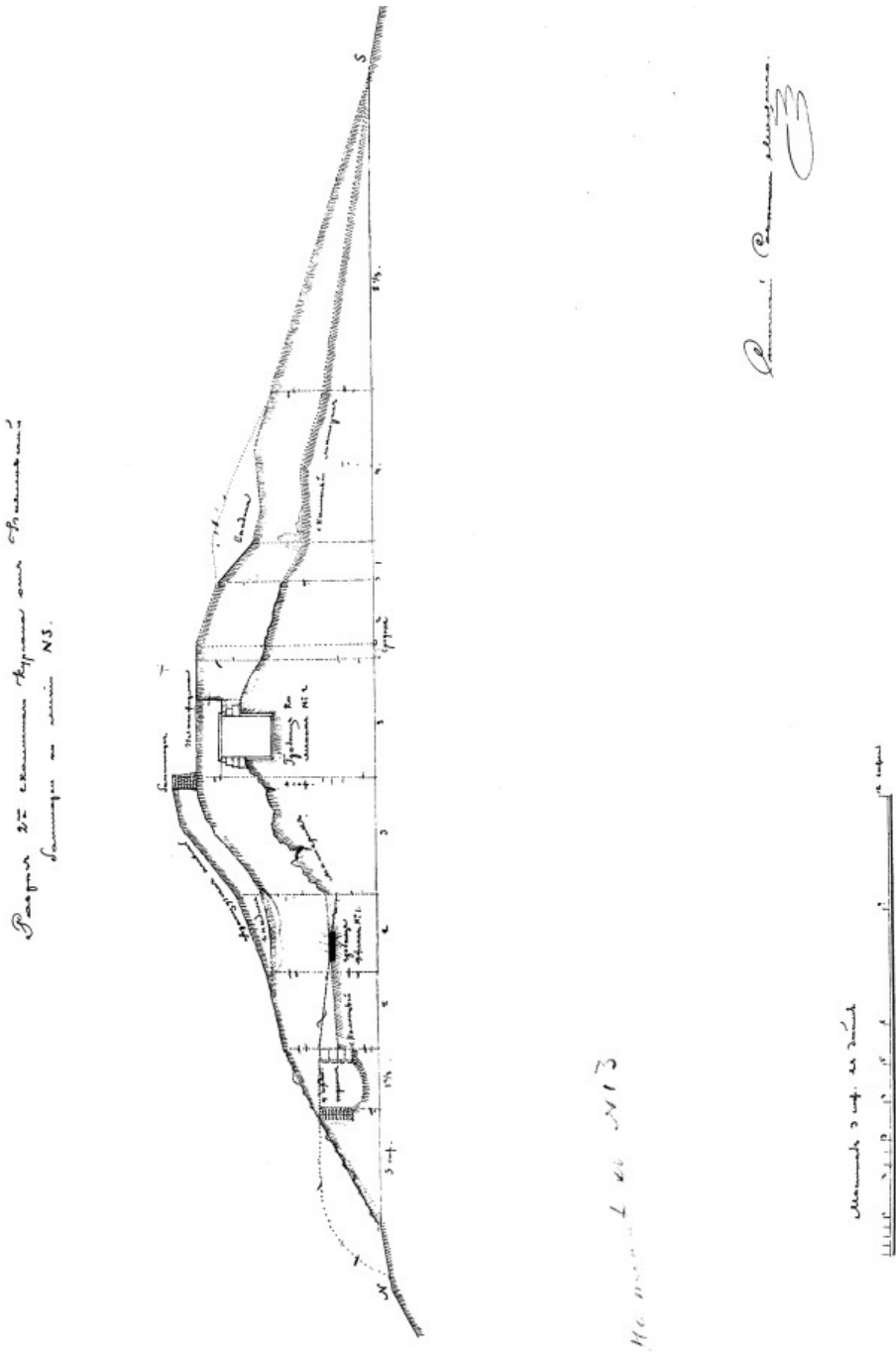

Рис. 1. Разрез Второго Павловского кургана (НА ИИМК РАН, ф. 14, д. 2, л. 98). Гробница находится на вершине скального выступа

Fig. 1. Section of the Second Pavlov barrow (Scholarly Archive of IHMC RAS). The vault is on top of a rocky ledge

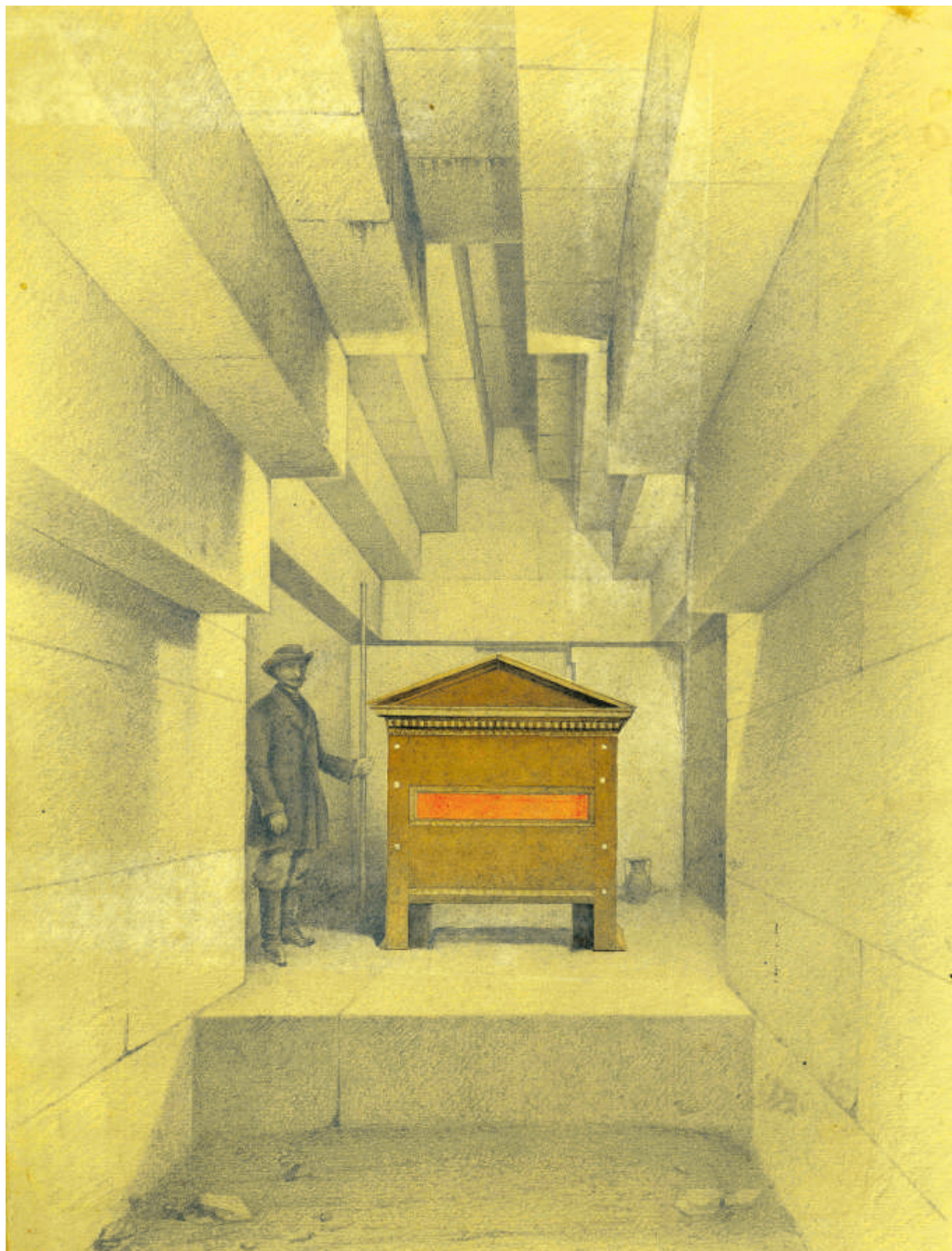

Рис. 2. Внутренний вид гробницы 48 Пятого кургана (НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 22)

Fig. 2. Inner view of crypt 48 of the Fifth barrow (Scholarly Archive of IHMC)

Рис. 3. Гробница 21 Пятнадцатого кургана (НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 34)

Fig. 3. Crypt 21 of the Fifteenth barrow (Scholarly Archive of IHMC RAS)

Рис. 4. Склеп в кургане на землях Мирзы Кекуватского (НА ИИМК РАН, р. 1, д. 176, л. 3)

Fig. 4. Crypt in the barrow on the land of the Mirza of Kekuvat (Scholarly Archive of IHMC RAS)

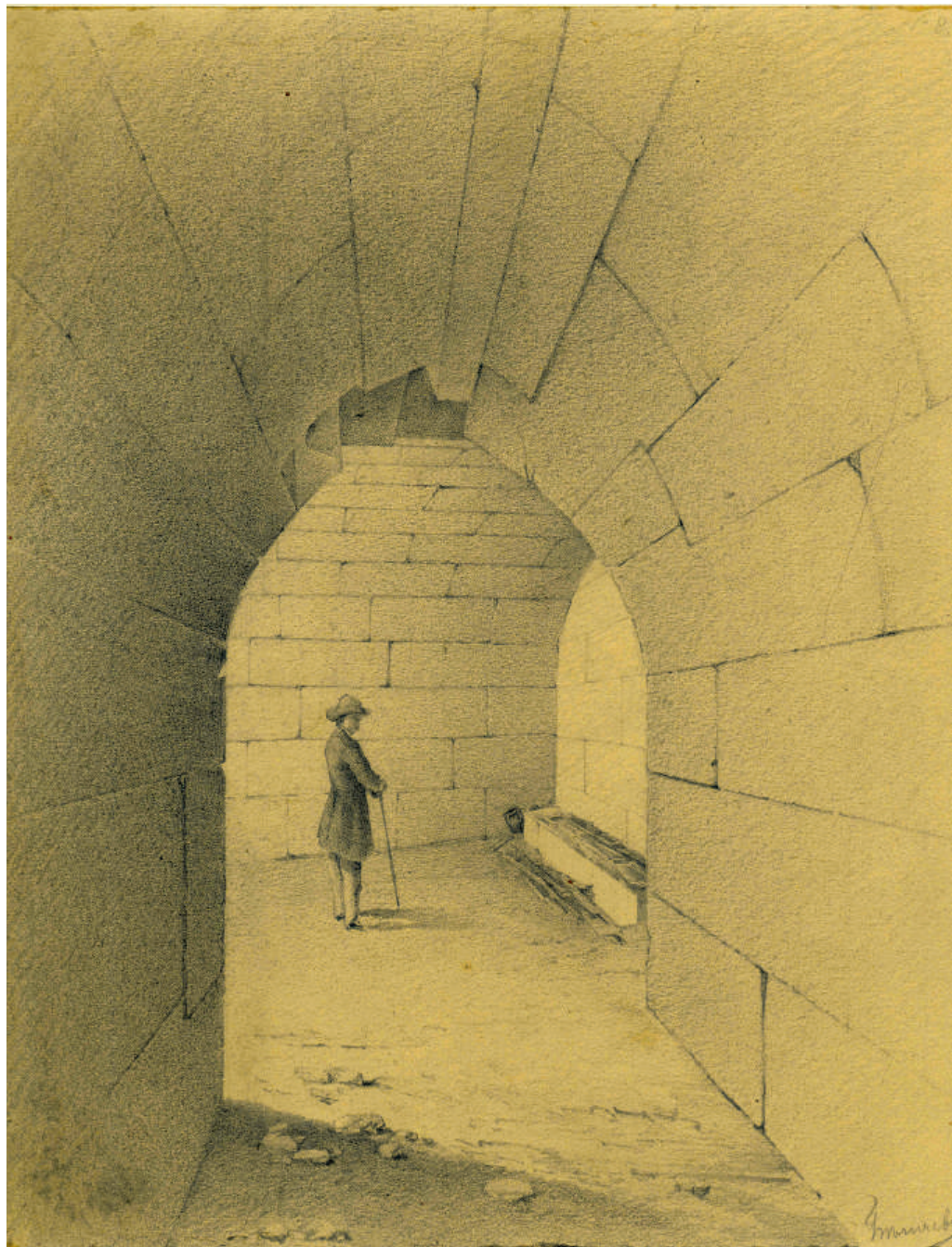

Рис. 5. Дромос гробницы 47 Шестого кургана (НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 21)

Fig. 5. Dromos of crypt 47 of the Sixth barrow (Scholarly Archive of IHMC RAS)

Еще одним любопытнейшим памятником некрополя является единственная здесь огромная катакомба, обнаруженная в Остром (Десятом) кургане (рис. 6; 7). Эта катакомба уникальна не только для Юз-Обы, но и для всего Боспора IV в. до н. э. Хорошо известно, однако, что подобные погребальные конструкции были типичными для Скифии этого времени (см. Ольховский 1977; 1991: 26 сл.; Абрамова 1982). К сожалению, катакомба Осторого кургана была ограблена, и, может быть, по этой причине она не привлекала внимания ученых, хотя ее можно считать гробницей боспорского царя Левкона I (389/88–349/48 гг. до н. э.), поддерживавшего дружеские связи со скифами (Виноградов и др. 2012: 83; Виноградов 2014в: 543; 2014г: 502).

Что касается хронологической атрибуции курганов хребта Юз-Оба, то сугубо предположительно можно считать, что самым ранним здесь был Девятый курган, который, по найденному в насыпи клейму фасосской амфоры, как представляется, относится к концу первой — началу второй четверти IV в. до н. э. Обнаруженная в нем гробница относится к первому из названных выше типов (каменная конструкция с плоским перекрытием из каменных плит), но она оказалась ограбленной (Виноградов и др. 2012: 70–72). Этот курган не отличается слишком большими размерами — в высоту он достигает 10 м, что для Юз-Обы не очень много. Некоторые другие насыпи (к примеру, Острый курган) возвышаются на 17 м (Там же: 134).

Относительно размеров юз-обинских курганов следует сказать особо. Имеющиеся материалы о раскопках некрополя демонстрируют одну любопытную закономерность: относительно ранние насыпи являются более крупными, а относительно поздние — небольшими. Так называемые малые курганы Юз-Обы, относящиеся, скорее всего, к концу IV в. до н. э., достигают в высоту всего лишь 2–4 м (Там же: 108–112). Суммируя эти наблюдения, можно предположить, что курганы на хребте Юз-Оба стали сооружаться, вероятно, с первой четверти IV в. до н. э. и возводились вплоть до конца этого столетия. Во всяком случае, ни один из них с уверенностью нельзя отнести даже к началу III в. до н. э.

Для понимания истории некрополя и, естественно, его хронологии важное значение имеют впускные погребения, обнаруженные во многих юз-обинских насыпях. В большинстве случаев можно считать, что они имели прямое отношение к центральному комплексу, иными словами, были связаны с захоронениями близких родственников. В этом отношении выделяются впускные погребения, открытые в некоторых курганах западной части некрополя. Они представляют собой простые каменные гробницы с коллективными захоронениями, интерпретация которых в контексте аристократического некрополя сталкивается с немалыми сложностями (Там же: 133). Датировка их весьма затруднительна, но можно достаточно уверенно предполагать, что эти гробницы были сооружены здесь после IV в. до н. э., т. е. тогда, когда курганы на Юз-Обе уже перестали насыпаться.

Курганы мыса Ак-Бурун, или третьей части некрополя Юз-Оба, в высшей степени интересны. Известно, что здесь находилось пять крупных насыпей, и раскопки в них первыми начали англичане во время оккупации Керчи в годы Крымской войны (McPherson 1857: 57 ff.; Бутягин, Виноградов 2014: 19–22). Пятый ак-бурунский курган является самым ранним не только на Ак-Бурунском мысе, но и во всем некрополе. Основную гробницу в нем, видимо, открыли англичане. Она представляла собой грунтовую яму, борта которой были обложены камнем, а перекрытие состояло из деревянных плах. Вероятно, именно в этом кургане в 1862 г. А. Е. Люценко обнаружил конское захоронение с богатым

Рис. 6. Вид шахты, ведущей в катакомбу Острого кургана (НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 30)

Fig. 6. View of the shaft leading to the catacomb of the Ostry barrow (Scholarly Archive of IHMC RAS)

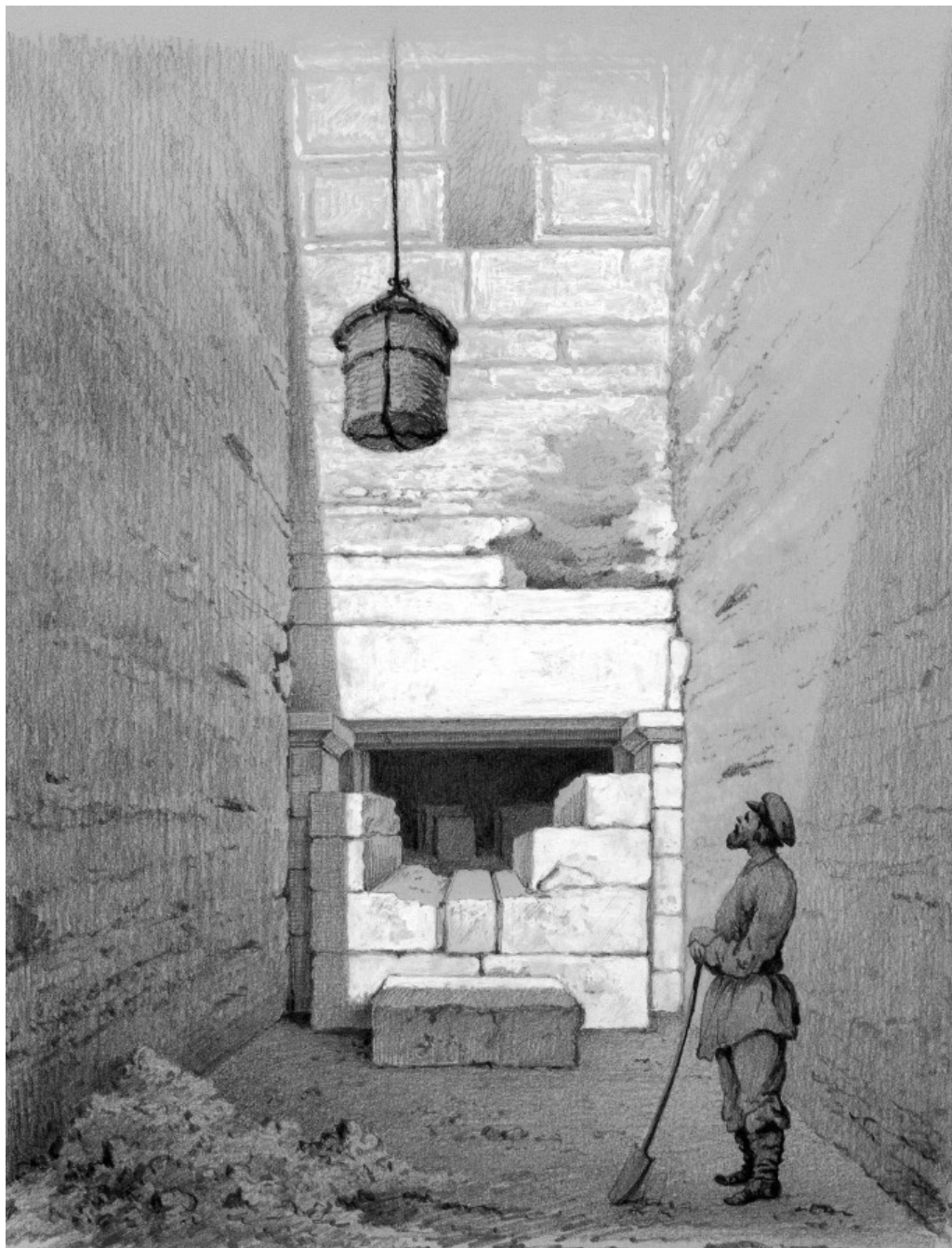

Рис. 7. Вид входа в катакомбу Острого кургана (НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 31)

Fig. 7. View of the entrance to the catacomb of the Ostry barrow (Scholarly Archive of IHMC RAS)

набором украшений узды (рис. 8). Эту узду Э. В. Яковенко датировала не позднее середины V в. до н. э. (Яковенко 1970: 59; 1974: 105), хотя правильнее относить ее к второй половине этого столетия (Galanina, Grach 1986: pl. 92). По причине столь ранней датировки Пятый курган даже исключался из числа памятников Юз-Обы (Виноградов и др. 2012: 116; Виноградов 2013а: 44), что, видимо, не вполне верно, поскольку насыпь этого кургана, по крайней мере, создала здесь определенный репер для формирования аристократического некрополя в будущем.

Рис. 8. Литые бронзовые украшения конской узды, найденные в Пятом кургане мыса Ак-Бурун (1862 г.): 1 — инв. ГЭ Ак.Б. 1; 2, 3 — Ак.Б. 8; 4 — Ак.Б. 4; 5 — Ак.Б. 5; 6 — Ак.Б. 7; 7 — Ак.Б. 3; 8 — Ак.Б. 6

Fig. 8. Cast bronze harness decorations found in the Fifth barrow of Ak-Burun (1862): 1 — State Hermitage inventory Ак.Б. 1; 2, 3 — Ак.Б. 8; 4 — Ак.Б. 4; 5 — Ак.Б. 5; 6 — Ак.Б. 7; 7 — Ак.Б. 3; 8 — Ак.Б. 6

Третий курган Ак-Бурунского мыса (1875 г.) содержал два погребения, наиболее известным из которых стала кремация знатного воина с золотым «шлемом» (рис. 9–10; Виноградов 1993; Бутягин, Виноградов 2014: 53–110). Погребение было совершено в простой грунтовой яме, перекрытой кровельными черепицами. Помимо «шлема» (рис. 9) отсюда происходят части золотого ожерелья (рис. 10: 3), золотой перстень с железной вставкой (рис. 10: 4), поясная застёжка в виде птички, сделанная из железа и обтянутая золотым листом (рис. 10: 5), части золотого венка (рис. 10: 6), два золотых «колпачка» (рис. 10: 7), огромное количество предметов вооружения и т. д. Погребальный полог, скорее всего, был обшит золотыми бляшками в виде звездочек (рис. 10: 1–2). По находке панафинейской амфоры и золотого статера Александра Македонского этот комплекс может быть датирован концом IV — началом III в. до н. э. Вторая (женская) кремация была совершена здесь немногим позднее, из нее происходит очень любопытная краснофигурная лекана, роспись на которой отличается полным вырождением краснофигурного стиля (рис. 11). Есть веские основания считать, что Третий курган на мысе Ак-Бурун является самым поздним курганом всего некрополя Юз-Оба.

Ак-Бурунский мыс, однако, интересен еще одним погребальным памятником. Во время строительства здесь крепости в 1874 г. в одном из курганов, местоположение которого для нас остается неизвестным, было обнаружено впускное погребение (Бутягин, Виноградов 2014: 37–52). В небольшой каменной гробнице находились две бронзовые урны, одна из которых содержала человеческий прах

Рис. 9. Золотой «шлем» из Третьего кургана мыса Ак-Бурун (инв. ГЭ Ак.Б. 28)

Fig. 9. Gold «helm» from the Third barrow of Ak-Burun (State Hermitage inventory Ak.Б. 28)

Рис. 10. Находки из Третьего кургана мыса Ак-Бурун: 1, 2 — золотые звезды (инв. ГЭ Ак.Б. 23); 3 — звено от золотого ожерелья (Ак.Б. 22); 4 — золотой перстень с железной вставкой (Ак.Б. 27); 5 — поясной крючок, сделанный из железа и обтянутый золотым листом (Ак.Б. 24); 6 — часть золотого венка (Ак.Б. 23); 7 — золотой «колпачок» (Ак.Б. 25)

Fig. 10. Finds from the Third barrow of Ak-Burun: 1, 2 — gold stars (State Hermitage inventory Ак.Б. 23); 3 — link of a gold necklace (Ак.Б. 22); 4 — gold finger-ring with an iron insert (Ак.Б. 27); 5 — iron belt hook covered with golden foil (Ак.Б. 24); 6 — part of a gold wreath (Ак.Б. 23); 7 — gold «cap» (Ак.Б. 25)

с целым набором дорогих предметов: золотая монета Лисимаха, отчеканенная в Византии (рис. 12: 1), крупная бусина, украшенная зернью (рис. 12: 2), золотой наконечник ножен кинжала (?) с каменными вставками (рис. 12: 3), круглая фибула-брошь (рис. 12: 4), уникальная золотая фибула типа «Алезия» (рис. 12: 5) и т. д. Почти 100 лет назад М. И. Ростовцев датировал этот комплекс III–II вв. до н. э. (Ростовцев 1918: 48), что, конечно, ошибочно. Погребение относится ко второй половине I в. до н. э. (Бутягин, Виноградов 2014: 48). Наличие фибулы «Алезия» позволяет предполагать, что этот комплекс связан с римским присутствием на Боспоре. Соответственно, погребение могло быть совершено либо при Митридате Пергамском (47 г. до н. э.) (Шукин 1989: 68; ср. Бутягин, Виноградов 2014: 46–52), либо при Полемоне I (14–8 гг. до н. э.).

В настоящее время курганы мыса Ак-Бурун датированы сравнительно надежно. Почти то же самое можно сказать о Втором Павловском кургане или о кургане на землях Мирзы Кекуватского, но хронологическая атрибуция этих гробниц все-таки нуждается в уточнении, иными словами, обнаруженные здесь материалы требуют дополнительного, специального изучения. Еще в большей степени это относится к другим погребальным комплексам Юз-Обы, которые не столь часто попадают в сферу научных интересов современных исследователей. Все более и более очевидной становится необходимость детальной проработки всех коллекций находок из некрополя, хранящихся в Государственном Эрмитаже: амфорных клейм, монет и аттических ваз. Хронологическая атрибуция каждого кургана к тому же зависит от сравнения с другими боспорскими памятниками подобного рода; здесь в высшей степени важным является соблюдение принципа комплексности.

Современное изучение расписных (краснофигурных) ваз демонстрирует, что их производство в Аттике сократилось к 330 г. до н. э., а качество отделки расписной посуды при этом заметно снизилось (Boardman 2001: 105–106). Тем не менее, экспорт аттических краснофигурных ваз продолжался, в том числе

Рис. 11. Лекана из женской кремации Третьего Ак-Бурунского кургана (инв. ГЭ Ак.Б. 20)

Fig. 11. Lekane from a woman's cremation, the Third barrow of Ak-Burun (State Hermitage inventory Ак.Б. 20)

Рис. 12. Находки, сделанные на мысе Ак-Бурун в 1874 г.: 1 — золотой статер Лисимаха (инв. ГЭ Ак.Б. 16); 2 — золотая бусина, украшенная зернью (Ак.Б. 15); 3 — золотая накладка на ножны кинжала с каменными вставками (Ак.Б. 14); 4 — золотая фибула-брошь с каменной вставкой (Ак.Б. 12); 5 — золотая фибула типа «Алезия» (Ак.Б. 13)

Fig. 12. Objects found on the cape of Ak-Burun in 1874: 1 — gold stater of Lysimachus (State Hermitage inventory Ак.Б. 16); 2 — gold granulated bead (Ак.Б. 15); 3 — gold plaque with stone inserts (Ак.Б. 14); 4 — gold fibula-brooch with a stone insert (Ак.Б. 12); 5 — gold fibula of the Alezia type (Ак.Б. 13)

и на Боспор. М. И. Ростовцев считал, что они вышли из употребления к концу IV в. до н. э. (Ростовцев 1912: 149), и это его заключение, в общем, никем не оспаривается. В последние годы в изучении аттических ваз, происходящих из Юз-Обы, наметился новый подход, который сводится к тому, что их датировка является более ранней по сравнению с другими погребальными предметами, по крайней мере, на десятилетие, а чаще на несколько десятилетий (Petraikova 2012: 157). Такая ситуация представляется по-настоящему парадоксальной, поскольку в археологических комплексах керамические находки, как правило, не могут быть древнее предметов из золота и бронзы, хотя бы в силу их относительной дешевизны. Современная тенденция понижения датировок древнегреческой расписной керамики, на мой взгляд, должна предполагать изменение атрибуции бронзовой посуды, предметов торевтики и т. п. Более того, некоторые датировки ваз, основанные на стилистических особенностях росписей, к примеру, датировка краснофигурной леканы «упаднического стиля» из Третьего Ак-Бурунского кургана (см. рис. 11) в пределах второй четверти IV в. до н. э. (см. Бутягин, Виноградов 2014: 72)², представляются очень сомнительными.

Оговорясь при этом, что никак нельзя считать, что каждый предмет, оказавшийся в погребальном контексте, приобретался специально для этой цели, хотя такие случаи, как представляется, тоже имели место. Керамическая посуда вполне могла находиться в бытовом обиходе 10–20 лет и лишь после этого применяться в качестве погребального приношения, что, разумеется, следует учитывать при определении даты комплексов (Рогов 2011: 37). Однако представляется почти самоочевидным, что бронзовая посуда использовалась в повседневной жизни ее владельцев еще дольше³.

Разработка хронологии курганных погребений Юз-Обы, важная сама по себе, имеет принципиальное значение для понимания особенностей взаимоотношений боспорской элиты с аристократией варварских племен региона, позволяя уловить основные направления этих контактов и их изменения с течением времени. Есть веские основания считать, что часть выходцев из племенной среды, так или иначе, включалась в состав высшей социальной страты государства. Понятно, что это могли быть только выходцы из дружественных или подчиненных Боспору племен. Можно также предположить, что отдельным представителям боспорской аристократии импонировали некоторые особенности варварской культуры: предметы вооружения, снаряжение боевого коня, детали костюма и т. д. Проявления этой «варварской» или «варваризирующей» моды опять же можно рассматривать как свидетельства, позволяющие лучше понять основные векторы политических и экономических устремлений Боспора в мире северо-причерноморских племен.

² Очень похожая лекана «упаднического стиля» происходит из Благовещенского кургана на Таманском полуострове (Лукьянов, Гриневич 1915: 105–106, 121, табл. X, 4, № 80). Среди других находок здесь имеется монета Лисимаха, которая никак не может относиться к IV в. до н. э., М. И. Ростовцев датировал курган не ранее первой половины III в. до н. э. (Ростовцев 1913–1914: 111; 1925: 294), а М. Пфроммер — серединой этого столетия (Pfrommer 1990: 262). Как видим, поздние образцы краснофигурных ваз все-таки могут встречаться в археологических комплексах III в. до н. э.

³ В качестве примера можно привести каменную гробницу 16 в сплошной могильной насыпи некрополя Нимфея (Силантьева 1959: 78–83). Бронзовая посуда из нее относится к первой половине — середине V в. до н. э., а вот аттическая чернолаковая керамика датируется первой четвертью IV в. до н. э.

Традиционно считается, что Юз-Оба содержит погребальные памятники греческого типа (Ростовцев 1925: 191; Гайдукевич 1949: 256), но эта точка зрения не вполне верна (Виноградов 2013а: 45). В этом отношении очень показателен самый ранний курган некрополя — Пятый Ак-Бурунский. Обнаруженная в нем узда представляется вполне скифской, хотя и уникальной по набору украшений (см. рис. 8). Характер насыпи этого кургана, в которой встречалось большое количество морских ракушек, является деталью, характерной для культуры азиатского Боспора (Виноградов и др. 2012: 115–116; Бутягин, Виноградов 2014: 35), что позволяет рассматривать данный памятник в несколько ином, непривычном контексте, связанном с пониманием роли знати прикубанских племен во время правления Археанактидов (Бутягин, Виноградов 2014: 35–36). Любопытно при этом, что и более поздние курганы Ак-Бурунского мыса демонстрируют черты, роднящие их с культурой азиатского Боспора и шире — с племенным миром Прикубанья (Там же: 113).

Как уже частично говорилось, склепы с уступчатым, а также с «полуциркульным» перекрытием, столь показательные для Юз-Обы, скорее всего, имеют фракийское происхождение, и эта традиция, как представляется, пришла на Боспор вместе с династией Спартокидов. Еще раз следует отметить, что среди юз-обинских склепов имеется один с арочным перекрытием — гробница 47 Шестого кургана (Виноградов и др. 2012: 62 сл.; Виноградов 2013а: 46), но склепы «македонского» типа, получившие распространение на Боспоре с III в. до н. э. (Виноградов 2014б), в некрополе, по всей видимости, отсутствуют.

Для Боспорского государства в IV в. до н. э. огромное значение имели связи с Великой Скифией. Грандиозная катакомба Острого кургана указывает нам именно на это. Скифский облик предметов вооружения, найденных в кургане Кекуватского, свидетельствует о том же самом (см. Артамонов 1966: 66, табл. 270; Уильямс, Огден 1995: 164–165; Виноградов 2012; Виноградов, Горончаровский 2009: 85–87; Виноградов и др. 2012: 103–104, 205–206, рис. 63–64). Более того, можно считать, что блестящая культура элиты Боспора конца V — IV в. до н. э. своим существованием в немалой степени была обязана стабильной ситуации в степях, которую долгое время могли поддерживать владыки Скифии.

Самые поздние курганы Юз-Обы, относящиеся к концу IV в. до н. э., как уже было сказано, не отличаются крупными размерами насыпей и величием погребальных сооружений. В составе инвентаря поздних погребений можно наблюдать проявления культурных импульсов, пришедших на Боспор из Прикубанья, т. е. из меото-сарматской среды (Виноградов и др. 2012: 134; Виноградов 2013а: 48–49). Погребение в кургане Ак-Бурун (1875 г.) является одним из самых важных археологических памятников для понимания периода крушения Великой Скифии и начала сарматского вторжения в степи Северного Причерноморья (см. Виноградов, Горончаровский 2009: 96–98; Бутягин, Виноградов 2014: 99–110).

Значение этого Ак-Бурунского кургана, однако, никак нельзя ограничивать только культурной спецификой, связывающей его с миром восточных варваров. Х. С. Робертс справедливо отметил, что происходящий отсюда золотой «шлем» (см. рис. 9), точнее, элементы его орнаментации имеют сходство с произведениями изобразительного искусства Македонии, и вполне возможно, что этот драгоценный предмет был изготовлен македонским мастером, перебравшимся на Боспор (Roberts 2009: 198; см. также Бутягин, Виноградов 2014: 81–85, кат. 38). Весьма символично также, что в данном комплексе представлены золотые звездочки (см. рис. 10: 1–2), имеющие явное сходство со звездами,

вошедшими в символику власти македонских царей (Бутягин, Виноградов 2014: 77–78, кат. 33). Иными словами, в Третьем Ак-Бурунском кургане, самом позднем кургане Юз-Обы, имеются весьма показательные элементы, позволяющие оценить силу воздействия элитной культуры Македонии на культуру аристократии Боспорского государства, что представляется принципиально важным для адекватного понимания протекавших здесь культурно-исторических процессов в эпоху эллинизма.

Выше говорилось, что среди сохранившихся памятников Юз-Обы не известны склепы так называемого македонского типа. На Европейском Боспоре их, скорее всего, было очень немного. Во всяком случае, сейчас можно уверенно говорить всего об одном таком склепе, раскопанном Ф. И. Гроссом в 1885 г. около Мирмекия (Виноградов 2014д). Все остальные подобные гробницы (склепы Васюринской горы, Артюховского кургана и др.) находятся на азиатской стороне Боспора (Виноградов 2014б). Если же рассматривать мыс Ак-Бурун как особое место некрополя, где более всего проявлялись культурные импульсы, исходящие с Таманского полуострова и племенного мира Прикубанья, то необходимо отметить, что именно здесь, во Втором Ак-Бурунском кургане был открыт разграбленный склеп, который можно отнести к македонскому типу, но уверенности в этом, к сожалению, нет (Бутягин, Виноградов 2014: 23).

Подводя итог, следует акцентировать внимание на том, что некрополь Юз-Оба демонстрирует развитие культуры элиты Боспора времени расцвета государства в IV в. до н. э. Всем прекрасно известно, что Спартокидам удалось создать государство, включавшее как ранее независимые полисы, так и некоторые варварские племена. Вполне очевидно при этом, что они преуспели и в создании новой элиты, в состав которой вошел не только сам правящий род, но и лояльная ему греческая, боспорская аристократия, а также выходцы из подвластных Боспору или дружественных ему местных народов. Без инкорпорации варваров в состав элиты Боспорского государства его существование вряд ли могло быть сколько-нибудь успешным. На мой взгляд, курганные погребения Юз-Обы дают возможность не только более наглядно продемонстрировать этот полиэтничный характер боспорской элиты, но и позволяют в должной мере оценить феномен боспорской элитной культуры, в которой пересеклись различные, казалось бы, несовместимые или даже враждебные влияния. Как представляется, на греческую основу здесь наложилась очень сильная фракийская традиция. Наряду с этим вполне отчетливо проявляются культурные влияния, исходившие из Скифии, племенного мира Прикубанья и, наконец, из Македонии. Всему этому хитросплетению, как представляется, можно найти объяснение, если более внимательно подойти к хронологии юз-обинских комплексов. Однако дальнейший прогресс наших знаний в обозначенной области невозможен без детального изучения всех вещественных материалов, происходящих из курганов Юз-Обы, и, разумеется, из других боспорских элитных курганов.

Литература

- Абрамова М. П. 1982. Катакомбы и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Талис Д. Л. (ред.). Археологические исследования на юге Восточной Европы 2, 9–19 (Труды ГИМ 54).
- Артамонов М. И. 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник.

- Базайтова Р. 2006. Архитектура на тракийските гробници — принос в историята на античната архитектура // Хелис 5, 340–359.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. 2014. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь; Керчь: Майстер Книг.
- Виноградов Ю. А. 1993. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Раев Б. А. (ред.). Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск: Музей дон. казачества, 38–51.
- Виноградов Ю. А. 2012. Курган Мирзы Кекуватского // ДБ 16, 39–50.
- Виноградов Ю. А. 2013а. Об изучении курганного некрополя Юз-Оба под Керчью // Виноградов Ю. А. и др. (ред.). Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Дмитрий Буланин, 39–51.
- Виноградов Ю. А. 2013б. Юз-Оба — некрополь боспорской аристократии. Культура и хронология // Носов Е. Н. и др. (ред.). Принципы датирования в эпоху бронзы, железном веке и средневековье. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 123–125.
- Виноградов Ю. А. 2014а. О хронологии некрополя боспорской аристократии Юз-Оба // Зинько В. Н. (ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь: б. и., 82–87.
- Виноградов Ю. А. 2014б. О склепах македонского типа на Боспоре // БИ 30, 171–189.
- Виноградов Ю. А. 2014в. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ 30, 535–552.
- Виноградов Ю. А. 2014 г. Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н. э. // БИ 30, 497–509.
- Виноградов Ю. А. 2014д. Об одной гробнице, открытой во время раскопок Ф. И. Гросса под Керчью в 1885 г. // Хршановский В. А. (ред.). Погребальная культура Боспорского царства. СПб.: Нестор-История, 24–32.
- Виноградов Ю. А., Горнчаровский В. А. 2009. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э.— середина III в. н. э.). СПб.: Нестор-История.
- Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. 2012. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь: Майстер Книг.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Гайдукевич В. Ф. 1981. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым перекрытием // Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. Л.: Наука, 6–54.
- Гриневич К. Э. 1952. Юз-Оба (Боспорский могильник IV века до н. э.) // Археология и история Боспора 1, 129–147.
- Кауфман С. А. 1947. Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения Института истории и теории архитектуры 6, 1–32.
- Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П. 1915. Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. Пг.: Тип. Главного управления Уделов.
- Мартин Ю. Ю. 1926. Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь: б. и.
- Ольховский В. С. 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА 4, 108–128.
- Ольховский В. С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука.
- Рогов Е. Я. 2011. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь: Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра».
- Ростовцев М. И. 1912. Пиксида расписного склепа кургана Васюринской горы // ЗООИД 30, 136–150.
- Ростовцев М. И. 1913–1914. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.: ИАК.
- Ростовцев М. И. 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П. К. Коковцева и С. И. Руденко. Пг.: Девятая Государственная типография.

- Ростовцев М. И.* 1925. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературы и археологии. Л.: РАИМК.
- Савостина Е. А.* 1986. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА 2, 84–99.
- Силантьева Л. Ф.* 1959. Некрополь Нимфея // МИА 69, 5–107.
- Сокольский Н. И.* 1969. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М.: Наука (САИ Г1–17).
- Уильямс Д., Огден Д.* 1995. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. СПб.: Славия.
- Цветаева Г. А.* 1957. Курганный некрополь Пантикапея // МИА 56, 227–250.
- Шaub И. Ю.* 2007. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Щукин М. Б.* 1989. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Приднепровья и некоторые проблемы греко-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА 3, 61–70.
- Яковенко Э. В.* 1970. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // КСИА 124, 54–60.
- Яковенко Э. В.* 1974. Скифи Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ: Наукова думка.
- Andronicos M.* 1987. Some reflections on the Macedonian tombs // British School at Athens 82, 1–16.
- Vazaytova R.* 2005. The Thracian contribution in the ancient architecture // Thracia 16, 307–314.
- Boardman J.* 2001. The History of Greek Vases. Potters, Painters and Pictures. London: Thames & Hudson.
- Borza E. N., Palagia O.* 2007. The chronology of the Macedonian royal tombs at Vergina // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts 122, 81–125.
- Boyd Th. D.* 1978. The arch and the vault in Greek architecture // AJA 82, 83–100.
- Gajdukevič V. F.* 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie-Verlag; Amsterdam: Adolf M. Hakkert.
- Galanina L., Grach N.* 1986. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd Century B. C. Leningrad: Aurora Art Publishers.
- Kurtz D. C., Boardman J.* 1971. Greek Burial Customs. London; Southampton: Thames & Hudson.
- McPherson D.* 1857. Antiquities of Kerch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus. London: Smith, Elder & Co.
- Petrakova A.* 2012. Late Attic red-figure vases from burials in the Kerch area: The question of interpretation in ancient and modern contexts // Schmidt S., Stähle A. (Hrsg.). Vasenbilder im Kulturtransfer. Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. München: Verlag C. H. Beck, 151–163.
- Pfrommer M.* 1990. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen: Wasmuth.
- Roberts H. S.* 2009. Macedonian craftsmanship in Crimean tombs from late 4th century BC to early 3rd century BC // Proceedings of the Danish Institute in Athens 6, 189–200.
- Tsetskhladze G. R.* 1998. More on Bosporan chamber tomb // Соловьев С. Л. (ред.). Таманская старина 1. СПб.: ГЭ, 48–61.